

Человек толпы. XXI век

Ил. 1. Праздничные демонстрации в СССР (1982 г.).

*По плодам их узнаете их.
Евангелие от Матфея (гл. 7, 16)*

1. Введение

Традиция философского и социально-психологического осмысления человеческой толпы как социокультурного феномена, приобретающего едва ли не решающее значение в судьбах человечества, исторически восходит к середине XIX века. Толпа не обманула «ожиданий» ученых, среди которых истинным прозорливцем в философском предвидении ее роли в развитии грядущих времен и перемен, конечно же, был гениальный Ф. Ницше, впервые осмысливший с философской точки зрения феномены массового сознания – психологию толпы, нарождающуюся массовую культуру, а также возможные последствия их «расцвета» (см.: Ницше Ф. Несвоевременные размышления – М., 1905. – 367с.). Как это часто бывает, предощущение и фиксация очевидности феномена, в нашем случае – толпы, очень скоро превратилось в актуальнейшую проблему времени, осознание и системное исследование которой стало насущным его требованием. В дальнейшем целая плеяда философов, социальных психологов, социологов и психиатров занималась проблемами толпы, все более актуальными для социума рубежа XI–XX веков – каждый на основании методологии своей науки.

Для того чтобы представить наиболее полную картину осмысления проблематики, начиная с самих истоков, нами впервые был составлен многоцветный букет, отличающийся

необыкновенным разнообразием оттенков в подходах к ней – антология работ выдающихся русских и зарубежных ученых и философов означенного времени, специально занимающихся данной проблемой: «Психология толпы. Антология западноевропейской и русской социальной психологии конца XIX – начала XX веков: культурные аспекты» (см.: «Культура в современном мире». – Науч.-информ. сб. – Вып. № 5–6. – М.: изд-во РГБ. – 2003. – 276с.). В вводной статье к антологии «Толпа в век нынешний и в век минувший – связь времен: представляя проблему» мы на основании анализа трудов авторов, представленных в антологии, и соотнесения их понимания толпы современного им времени с реалиями нашего попытались показать преемственность как в *осмыслении феномена толпы, так и в традициях его анализа в динамике развития.*

Сегодня, по прошествии всего десяти лет стала очевидной необходимость вновь обратиться к проблематике толпы, ввиду беспрецедентного ускорения процессов в современном социуме, до неузнаваемости трансформирующего все сферы его жизнедеятельности. Стремительные и кардинальные политические, экономические и социокультурные изменения XXI века в условиях глобализации явственно приобретают все более динамичный, устрашающий характер. Соответственно меняются и средства воздействия на толпу и способы формирования ее сознания, психологии и жизнедеятельности в общем контексте развития современной массовой культуры (далее – МК). Принципиально новые информационные виртуальные технологии, не только представляющие, но и воспитывающие, формирующие сознание человека, приказывающие – пусть и непрямо, а иногда не стесняясь и напрямую, становятся, по сути, инструментом управления невиданной силы и возможностей, придающим поистине пограничный характер бытию человеческого социума. Обозначим их термином «виртуалитет», означающим всю совокупность технологий, феноменов, составляющих время и пространство виртуальной жизни, да и самого человека, живущего в ней, присовокупим туда же. Вышеописанные факторы в сочетании с беспрецедентным ускорением социальных и культурных процессов в контексте глобализации принципиально видоизменили человека толпы начала XXI века, в корне отличающегося от человека толпы XIX века, что настоятельно требует своего философского и культурологического осмысления и анализа.

2. Метод феноменологии культуры:

к проблеме совместимости психофизиологии человека и виртуалитета

Мы попытаемся показать динамику развития этого процесса, выявляя новые характеристики и механизмы современной культуры, с учетом всей множественности, дробности, релятивизма и снижения уровня контекста, «строящего» его. Это – сочетание мозаики всевозможных субкультур, адаптированных этнокультур, многообразных интерпретаций и адаптаций классической культуры и еще множества других составляющих МК, все более гомогенизирующихся под влиянием вездесущей глобализации.

Постоянно видоизменяющиеся структуры и инструменты воздействия МК, так же как любой феномен, аспект или механизм культуры требуют анализа, адекватного предмету рассмотрения, наиболее целесообразного с позиции феноменологической методологии. С ее помощью культуролог, войдя в поле современной культуры и строго следуя логике ее развития, не отвлекаясь, исследует тот или иной ее феномен или аспект в совокупности всеобщих характеристик с каждой из множества ее составляющих в отдельности. Такое сочетание предмета культурологии и феноменологического метода исследования мы обозначим как феноменологию культуры. Обращаясь на основании этой методологии непосредственно к нашему культурному феномену – толпе в его современном звучании, попробуем проследить логику его развития и трансформаций изнутри. Сразу оговоримся – проблема рассматривается в контексте культурных характеристик и метафизики реалий российского общества, его исторических и социокультурных оснований, объективных и субъективных предпосылок, форм смысло- и целеполагания, генезиса развития принципиально новых технологических условий и возможностей, доселе неведомых психофизиологии человека. Следует отметить, что методология феноменологического анализа культуры отличается высоким уровнем достоверности в выявлении тех или иных «перспективных» тенденций, зачастую только зарождающихся в ней. Попробуем это показать на примере актуальнейшей проблемы нашего времени – совместимости психофизиологии человека и виртуалитета, отнюдь не безобидного для здоровья.

Еще в 80-е годы мы писали о возможных медико-биологических, физических и психических последствиях воздействия СМИ на психофизиологию и сознание человека. Исходили при этом из того, что современные СМИ – это феномен, недавно родившийся и доселе неизвестный в первую очередь последствиями своего до поры до времени скрытого, невыявленного характера воздействия как на культуру в целом, так и на психику, физиологию и генетику человека, вызывающего в них долговременные нарушения (см. А.

Захарян «Нравственный и социальный аспекты медико-биологической проблематики в современной культуре и культурологии» // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. – Информ. сб. – Вып. 11–12. – М.: 1992. – 64с.). Обратили тогда же внимание на возможную опасность возникновения и в дальнейшем формирования устойчивого маничного пристрастия, конкретно – к компьютерным играм. Мы отмечали, что зачастую культуролог наподобие ищейки находит признаки той или иной симптоматики там, где врач-психиатр не замечает их, пока они не обернулись в устойчивый диагноз, сформировавшееся в явленном виде заболевание. Сегодня, так оно и получилось с игроманией, превратившейся за прошедшее время в весьма распространенную болезнь, уже официально признанную неизлечимой, как и положено любой приобретенной манией. Следует особо подчеркнуть, что в случае с игроманией, как впрочем и с со всеми маничными пристрастиями, вызванными воздействием компьютерных и виртуальных технологий, мы имеем дело с доселе неизвестными и пока еще недостаточно изученными, но безусловно более сильными механизмами искажения сознания, нарушения его работы. Из этого соображения мы и исходили 20 лет тому назад. Уже понятно, что воздействие компьютера со всеми его «артефактами» на человека столь же психотропно, как и воздействие химического наркотика. В обоих случаях измененные состояния сознания (ИСС) становятся необратимыми в силу неизбежности формирования привыкания, и личность уничтожается вначале в духовном плане, а затем и в физическом.

До сих пор не стоит вопрос о долговременных последствиях «компьютерных» болезней, их «возможностях» в генетических, наследственных изменениях организма, а стало быть влиянии на потомство. Если оно будет.... А пока спешно идет компьютеризация всех школ страны. Повторимся, до сих пор еще нет речи о генетических последствиях «общения» человека с виртуалитетом. Но зато хорошо известно, что потомство химического наркомана уже в утробе матери становится наркоманом по определению (в лучшем случае) и обречено на тяжкие муки ломок с младенчества и тяжелые врожденные патологии и уродства. В свете этого особенно цинично выглядят выступления лиц, облеченных властью, общественных деятелей, маленьких и больших чиновников, деятелей культуры и правозащитников о нарушении прав наркомана на смерть, в лучшем случае отсроченную, – в основном, как известно, молодых людей. Речь в этом контексте ведется даже и о детях. Что это? Чудовищная подмена в иерархии понятий на этот раз работает на беспримерную наркотизацию страны. В дальнейшем мы еще не раз встретимся с этим феноменом, каждый

раз подтверждающим, что сознание (в данном случае чиновников) определяет бытие миллионов, вернее сказать – их смерть.

Прошло 13 лет с начала XXI века, стремительно глобализирующегося и модернизирующегося, в том числе, и с помощью виртуалитета, прежде всего работающего на наивозможнейшую, ближайшую к «подлинному», принципиальную имитацию всего. И человек неустанно совершенствуется в этом направлении, пребывая в эйфорическом восторге и гордости от достижений своего, человеческого прогресса, не задумываясь о последствиях. Парадокс заключается в том, что все эти достижения не учитывают того, что сознание и психофизиология человека неизменны едва ли не со времен сотворения, а все эти новейшие научно-технические «приставки» к ним никак не приспособлены и, наоборот, разрушают их. Как следствие, возникает обвальная серия доныне неизвестных заболеваний и эпидемий, зачастую и психосоматического характера. Уже сейчас, по сути, можно говорить о виртуальной, компьютерной наркотизации человечества.

А пока, посетительница выставки прерафаэлитов с восторгом констатирует: «как в 3D!». Это о великой картине. И здесь мы уже можем говорить об обратной связи, когда воздействие уникального произведения искусства сравнивается в качестве эталона с продуктом виртуалитета – по степени достоверности!

3. Феноменология великой подмены всех времен и народов

Однако вернемся к истории вопроса. Апофеозом победы и установления диктата «массовидных» в XX веке явилась Великая революция 1917 года в России. Ее основной постулат в философии и способах реального строительства нового общества заключался в утверждении того, что бытие определяет соответствующее ему сознание – тезиса, единственно справедливого с точки зрения идеологии коммунистов. Революционная толпа обрела свое идеологически и философски обоснованное массовое сознание, которое директивно определялось ее массовым бытием. А поскольку любая революция порождает убийство как способ бытия в лихие свои годы и не в лихие, что и было с избытком осуществлено в СССР, то толпа эта обрела свое массовое «убийственное» сознание. Однако хитрость заключалась в том, что не бытие порождало убийства, оно их только приводило в жизнь, в исполнение, так сказать. На самом деле все было наоборот и как всегда в истории человечества. А именно воспаленное, сугубо теоретическое большевистское, а затем и коммунистическое сознание постановило гибель миллионов во имя построения «нового

мира». Оно же определяло способы убийства людей и физического и духовного. С первым было легко – до сих пор функционирует термин «ликвидировали». А вот со вторым – духовным все обстояло гораздо сложнее, поскольку по субстрату своему индивидуальной ликвидации не подлежит, а массовая требует, как минимум, долговременной работы с массами, толпой.

Ил. 2.

сознательно пошли на эту тавтологию, чтобы показать всю намеренную абсурдность наиглавнейшего основания коммунистической идеологии. Это ведь не парадокс яйца и курицы о том, кто кого породил. Обманка заключалась в том, что сознание, оставаясь, как ему и положено, первичным, определяющим жизнь общества в идеологии большевиков, прикинулось бытием, утверждая, что последнее бытийствует само по себе, то есть вполне бессознательно (Фрейд какой-то!), а уже потом из этого бытия выросло или вырастили или же определили наличному бытию сознание. То есть мы сначала делаем революцию или вырезаем ложку, не осознавая, что мы делаем, а уже потом осознали, что мы сделали или наделали – в случае с революцией. Только так и в такой последовательности, рассуждая с философской точки зрения и в феноменологическом русле, мы можем, следуя логике развития предмета, утверждать, что бытие определяет сознание. Общественное бытие толпы определяет ее общественное же сознание – на том и стояла коммунистическая идеология, определившая тем самым все аспекты советского житья-бытия. Именно в этом состоял величайший в истории человечества перевертыш, подмена основополагающих понятий жизни, ибо, как мы выяснили выше, и здесь сознание определяло бытие – как всегда это и

Попробуем разобраться в великой подмене, обмане всех времен и народов, когда в первом социалистическом государстве во главу угла впервые была поставлена именно коммунистическая идеология, постулирующая первичность бытия. Но ведь идеология есть продукт сознания по определению. Иными словами, сознание определяет, что бытие определяет сознание, а не наоборот – как это было всегда во всех цивилизациях и культурах. Мы

водится у людей и обществ. Революционная подмена 1917 года, сознательно поставившая с ног на голову логику развития социума, во имя свое последовательно уничтожала огромные массы населения, целые сословия, называемые, как мы помним, классами, и народы страны.

Русский мыслитель XX века Г.П. Федотов писал в то время: «Благодаря сознательному и полусознательному истреблению интеллигенции и страшному понижению уровня демократизация культуры приобретает зловещий характер. Широкой волной текущая в народ культура перестает быть культурой. Народ думает, что для него открылись все двери, доступны все тайны... Но он обманут и обворован» (см.: *Федотов Г.П. Создание элиты (Письма о русской культуре)*. // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2-х т. – СПб, 1992. – Т. 2 – С. 207).

Сегодня мы пожинаем плоды тех «великих трудов». В агробиологии существует закон: если снят культурный слой почвы – его следует восстановить, иначе она одичает, станет непригодной для использования. То же и в человеческой культуре. В России уничтожались целые сословия глубоко духовных, образованных людей. И да – это была элита великой страны. Как результат подмены-обмана коммунистической идеологии в России помимо нее были уничтожены или надолго запрещены многие слои и напластования самой культуры. Как восстановить культурный слой в социуме? Или это утопия? Но иначе – одичание...

4. О преемственности подмен минувших дней, перестроечных и постперестроечных. На понижение – стройсь!

*Ил. 3. Е. Тадевосян «Гений и толпа»
(1919 г.).*

Поскольку революционеры родом были все же из той, старой, дореволюционной культуры, то они осознавали, что нельзя сразу полностью уничтожать ее, тем более, преемственную связь с ней. Образно говоря, шла «стройка» нового общества и материалы старой культуры выборочно, для пользы дела использовались в этом новом строительстве. Перестройка продолжила дело коммунистов таким «окончательным» образом, что из современной актуальной культуры изгнаны классики литературы, музыки, живописи и театра, который осовременен до

неузнаваемости, точнее будет сказать, до узнаваемости в гротескном или обыденном аспекте современного бытия. Игра на понижение художественной и не только культуры завершается. Преемственность с культурой прошлого окончательно прервана. Очевидно, за ненадобностью. В результате современная российская (как принято нынче обозначать) молодежь в основной своей массе не знает толком ни русской литературы, ни языка, ни музыки, ни.... Сейчас мы наблюдаем удивительный процесс слияния наук в родной Академии, по сути ее ликвидации. Уникальные отечественные научные школы потихоньку исчезают. После недавнего празднования 300-летия со дня рождения М. Ломоносова, основавшего Российскую Академию наук, поставлен вопрос о дальнейшей ее судьбе, целесообразности ее сохранения. Видать – время настало. Видимая попытка вернуть все на свои места, то есть перевернуть с ног на голову соотношение сознания и бытия в процессе перестройки, явственным образом привела страну к катастрофе (вспомним термин «катастрофка») во всех сферах общественной жизни, экономики и особенно культуры. Понадобилось всего 20 лет. Перестроечный слом жесточайшего единообразия советской идеологии, выпестовавшей несколько поколений единообразно мыслящего населения, обязанного быть таковым и не иначе – то есть организованной толпой, в итоге привел к слому и его бытия и его сознания. Либеральные идеологи перестройки стали всячески формировать в сознании населения страны тотальный плюрализм мнений, разрушая советские установки, стереотипы и ценности, насаждая толерантность ко всему без разбора, как и положено либералам. Именно в возделанную советской идеологией и ее СМИ, унавоженную единообразием почву были посеяны зерна постсоветского, перестроечного, столь же тотально единообразного и вполне управляемого плюрализма, а иначе либерального хаоса. Они дали богатый урожай, который мы пожинаем и поныне. Мощный маятник идеологии «ни о чем и обо всем сразу» раскачивал общественное сознание и сознание отдельного человека, опять отрицая все.... до основания, на этот раз окончательно и бесповоротно разрушая преемственность, в значительной мере сохраненную в советской культуре ее идеологами, осознающими насущную необходимость культурной традиции в деле строительства нового общества. Именно поэтому – поскольку духовная составляющая имеет место быть у каждого человека и в каждом социуме – если ее нет, то ее придумывают.

Это был следующий этап единого процесса, начатого в 1917 году. Последовательно сохраняя в этом смысле преемственность с коммунистической идеологией и доводя дело разрушения всего устоявшегося и имеющего определенный статус в культуре и социуме,

«перестроечники» окончательно расшатали основы общественного и индивидуального сознания. Это неизбежно повлекло за собой разрушение традиционных, устоявшихся в веках основ бытия социума и отдельного человека, еще раз доказывая на деле, что сознание определяет бытие существа, обладающего сознанием – человека и созданное им общество. Второй этап разрушения всего и вся в стране был завершен.

В нашем случае история развивалась так – упразднив религию, советская идеология не смогла заменить ее собой, осуществляя лишь функцию управления обществом, позаимствовав, однако, у религии многие внешние аспекты ее жизни и подменив их своими: в атрибутике крест был заменен звездой, иконы – портретами вождей; в ритуале: крестный ход – парадами и демонстрациями; в духовном руководстве: проповедь с амвона – речами с трибуны. В духовной же сфере почти полностью была заимствована морально-нравственная основа христианства – вспомним кодекс строителя коммунизма. Учитывалось, что толпа вообще любит ритуал, ей нужен вождь, символика, организация и управление, ритм и марш. Поэтому 70 лет в стране люди не шли с великой верой в крестных ходах, а организованно маршировали, причем не только солдаты, но и гражданские люди – на демонстрациях, зонах и физкультурминутках. Тело постсоветского человека помнит ритм и темп марша генетически. А сейчас он как достойный преемник выходит на марши несогласных ни с чем. То в советские времена был согласен со всем, то в постсоветские – ни с чем. Однако подмена и там и там была явно неадекватной – как по содержанию, так и по формальности исполнения. Более того, она явно играет на понижение, дошедшее в современном виде до обесмысливания – поскольку плюрализм и вариантов много. То же и с духовной составляющей жизни, или как модно нынче говорить – с «духовностью», понятием, обесмысленным в силу полной своей затертости из-за бесконечного, вне необходимости, почти ритуального употребления. И это несмотря на то, что в научной литературе, в том числе естественной и философской, есть огромное количество попыток ее определения. А самой духовности в социуме постсоветских времен как таковой нет. Также обесмыслено было многострадальное понятие «милосердие». Но именно его-то в обществе тоже нет. Механизм действия одинаковый.

Возвращаясь в советское общество, мы находим в качестве духовного поиска отдельно взятого индивидуума наряду с господствующей официальной идеологией возникшую со временем насущную потребность в поисках смысла жизни, своей, индивидуальной, неповторимой. Его советский человек искал немногим более 70 лет, по-разному, в основном на кухнях, желательно шепотом, не подозревая, что смысл, как минимум, в самой жизни, ее

достойном прожитии, и что ничего выдумывать не надо. И наиболее «продвинутые» советские люди придумывали себе и продумывали свой индивидуальный смысл жизни, кредо. Иногда на это уходили долгие годы жизни. А иногда и жизнь... Но веру отняли, а душа осталась, и что делать с ней отдельно взятому советскому человеку, чем ее питать?...Идеология эти поиски мягко поощряла, поскольку они утверждали индивида в ощущении потерянности, неопределенности и, в конечном итоге, необходимости подчиняться приказам сверху, поскольку одновременно тоталитарное государство 70 лет официально культивировало именно единообразие и прежде всего сознания, что не могло пройти для него бесследно. Вспомним песню, которую пел в советские времена дивный хор имени Пятницкого. Пел он так: «Когда партия прикажет (два раза), весело на душе, эх радостно на душе!». Постепенно сознание советского человека, как минимум, раздваивалось, а это уже признак шизофрении. Такая шизоидность сознания впечатывается в его генетическую память. Одно говорится на кухне, другое на собрании, тем более на партсобрании. Последующие поколения после революции выросли в этом контексте тотальной шизоидности социального и индивидуального сознания как государственной идеологической нормы. А поскольку известно, что первостепенный признак толпы – единообразие в многообразии, то можно утверждать, что генетически был «выведен» новый тип человека «для» толпы. Собственно можно сказать, что саму страну – наследницу великой империи ее идеологи формировали как страну толпы, составляющей не народ, а население. Ведь что такое советский народ – искусственное образование: как постановили его – так и отменили. Так думали идеологи. Но народ ощущал себя единым и это был народ, наследующий генетическую память имперского народного сознания. Истребить это трудно...Свидетельством тому великая победа народов страны в 1945году.

После перестройки единая идеология была упразднена и ее сменила плюралистическая идеология внимание – «качества жизни». То есть смысл жизни был заменен ее качеством. Еще одна подмена. Уровень осознания жизни понизился сразу и неизмеримо, утратив смысл, опустившись до качества.

В истории это выглядит так – вера, по большей части христианская, к ней же можно отнести традиционные религии страны (во избежание дебатов непонятно о чем), – просуществовала в стране сотни лет, придавая высший духовный смысл жизни человека, и была отменена декретом в 1917 году. После революции «продвинутые» граждане, официально придерживаясь большевистской идеологии, тайком, каждый в отдельности все-таки искали свой индивидуальный «смысл жизни» – 70 лет (от Бога к смыслу – первое и

самое убийственное для судеб страны и ее граждан понижение уровня духовности, самосознания), заодно раздваивая его. И, наконец, уже около 20 лет мы живем в эпоху «качества жизни», из которой смысл и вообще духовная составляющая вполне очевидным образом упраздняются за ненадобностью. Тоталитарную идеологию «всеобщего смысла жизни», в тени которого чахли индивидуальные доморощенные ее же смыслы, заменило плюралистическое понятие «качества жизни», естественно у каждого своего – отсюда и плюрализм. Однако если считать духовной составляющей неприкрытое стремление к власти, зависть, махровый конформизм, ненасытную и патологическую любовь к деньгам и преклонение перед «цивилизованными странами», так резко, так искренне отвергавшиеся интеллектуальной элитой нашей в советское время, – то не без нее. Да и материальные блага забугорного уровня были ей недоступны по большей части, а тут стали доступны ввиду всеобщего плюрализма, открытости и свободы искусства, да и колбасы на прилавках много. Приблизительно так и аргументировали деятели доперестроечной советской культуры – бессребренники свою позицию, основным аргументом которой, к сожалению, были непустые прилавки (из песни слов не выкинешь). Плавно перешедшие к идее качества жизни и теперь уже обслуживающие этот культурный постперестроечный контекст, благополучно процветающие в СССР и живо перестроившиеся отрицать все то, чему исправно и профессионально служили, то есть свое творчество, а по сути, и жизнь. Так продолжалось великое расшатывание сознания народа. «Процесс пошел» и уже наряду с профессиональными идеологами и политиками деятели культуры стали псевдодуховными лидерами толпы, подпевками на многотысячных ельцинских митингах в Лужниках и других местах скопления не без участия художественной составляющей общества. Тогда еще была жива идея перестройки, иными словами разрушения всего (опять же вспомним термин «катастрофка»), а затем снова – мы наш, мы новый мир построим, но прежде, как это водится, до основанья разрушим старый – из песни слов не выкинешь, так же как и из головы. А пока, и в самом деле, что нам стоит дом построить – нарисуем, будем жить. Однако за двадцать с лишним лет разрушено почти все, процесс идет и теперь он идет в самой культуре, сфере образования – за все надо платить! И ничего не построено, даже не нарисовано.

Вернемся к толпе демонстрантов и, следуя за ней – через противостояние путчу и созерцание или защиту расстрела Белого дома, она доплелась до Болотной. Оговорим сразу, что мы различаем два типа толпы: созерцательный (поглазеть), реализующий сугубо компенсаторный тип сознания, и агрессивный, наступательный, реализующий деятельностный его аспект. Но нет, то уже не та, былая страстная толпа. Она утратила

единую идеологию, замененную на разнообразные течения, (плюрализм не может быть иерархизирован по определению). И здесь такой социокультурный феномен, как толпа должен быть наиболее востребован именно в смутное время множественности предлагаемых идеологий, без определенных целей и задач. Однако толпа выдохлась. Из толпы деятельной она по сути своей превратилась в созерцательную, поскольку непроясненные декларации, непроявленные общие слова и места не вдохновляют и никуда не ведут. И вялая толпа превращается в выплевки толпы, как попка-дурак, повторяющие вразнобой, но в организованном порядке самые разные требования и лозунги, зачастую весьма прихотливые. Востребованная в смутное время множественности идей, но не единой идеологии толпа эта в наше время захирела, в точном соответствии с названием гения места, сама став болотной – с признаками застойности. Как и всякой толпой – ею управляют. Понимание бессмысленности постепенно сводит ее на нет. Толпа, в старом понимании слова, в старом виде умерла. Наследники ее могут быть метафорически обозначены как исполнители желтых революций: у нас это оплаченные оппозиционеры или энтузиасты с белыми бантиками, ощущающие свою значимость за счет самого участия в марше. В «маршах миллионов» шествуют уже только сотни, редко тысячи человек. Движения наподобие «синих ведерок», в защиту зарубежных усыновителей, убивающих или растлевающих наших детей, а не самих детей, размножаются сколь быстро – столь и хило. Скоро народ присмирееет, станет совсем скучным и тогда его можно брать. То бишь управлять. Эта обозначенная нами динамика преемственного развития толпы в нашей стране за последние сто лет и есть на самом деле отражение развития современной отечественной «нецивилизованной» культуры, значительно отставшей от «цивилизованной» культуры стран Запада, намного опередившего нас в своем одичании.

И в самом деле, мы дожили до тех времен, когда официально женщина женится на женщине, а мужчина выходит замуж за мужчину, если называть вещи своими именами, а не стыдливым, но вполне гомосексуальным, в данном случае, обозначением «бракосочетание». Вообще, мы предлагаем с целью гендерного различия ввести в законодательный обиход западных «цивилизованных» стран понятия: гомосексуальный и бисексуальный или однополый и обычный брак. И это будет, по крайней мере, точно и без разночтений! Ясно, что если всякое сопротивление пропаганде гомосексуализма законодательно преследуется – то налицо осознанное движение человечества, забывшего о Евангелии и судьбе Содомы и Гоморры, в лучшем случае, к своему вырождению – как это уже не раз было в истории. Вспомним греческую античность и Древний Рим. Но это в лучшем случае, поскольку сейчас

в наше время принципиально иной информационный и технологический контекст, неограниченно усиливающий и ускоряющий воздействие любой идеи на «человека подражающего» через новейшие СМИ. Инстинкт социального самосохранения (если так можно выразиться) явно не срабатывает в современном обществе, имеющем в своем арсенале богатую палитру индивидуальных и массовых средств самоуничтожения. Последние через СМИ управляют как толпой, так и отдельными индивидами в ней, образуя некую социокультурную, взаимозаменяемую информационную константу, зависимость, постоянно требующая насыщения, как и все зависимости. Информационный голод сменила информационная же зависимость. Стихийная толпа более не являет характеристику массового сознания эпохи, скорее общественное мнение имеет сознание толпы, формируемое СМИ, последовательно снижающими художественный, интеллектуальный и языковой уровень своих артефактов. Таким образом формируется человек толпы XXI века. Традиционная, физически спаянная толпа прошлого в различных своих модификациях как субъект управления «здесь и сейчас» непосредственно со своими функциями и механизмами действия, инструментами воздействия и взаимодействия умерла. Ее культурный и исторический контекст безвозвратно утерян. Именно поэтому в дальнейшем можно вести речь о такой мощной социокультурной составляющей управления толпы, как язык МК, СМИ и виртуалитета, породившего свою, доселе неведомую реальность, в которой заодно и сама жизнь становится потреблением, в том числе и самое себя. Таким образом компьютерные технологии породили виртуальную реальность виртуального человека и виртуальную толпу, качественно отличающуюся от толпы в старом понимании. Член виртуальной толпы физически, с одной стороны, сам по себе со своим виртуалитетом. С другой стороны – его сознание определено общей идеологией качества жизни с одновременной отменой веры и смысла жизни – их не ищут, а по большей части сразу заменяют либо наркотиками – сразу убивают себя – от прямого суицида до передозировки медленной или мгновенной – как получится. И никакое качество жизни, даже самый высокий его уровень не помогает, ибо свято место пусто не бывает! Душа жаждет! И кормят ее химической или виртуальной или музыкальной дрянью с целью изменения состояния сознания (ИСС), а уже через него калечат душу. Вспомним точное название группы – «Смысловые галлюцинации», точное потому, что напрямую указывает на состояние сознания. Место смысла занимают различные подмены, его суррогаты, воздействующие, прежде всего, на сознание и изменяющие его до возникновения зависимости. Можно назвать современное общество обществом подмен и зависимостей, причем первые порождают вторые, создавая у человека иллюзию могущества,

свободы (нажать кнопку или кольнутья?), вездеприсутствия, со-участия. При этом ценностные приоритеты и иерархия событий полностью нарушены. В самом деле, смерть принцессы Дианы или успешные роды жены ее сына почему-то волнуют миллионы людей на всех континентах, а беспримерно жестокие войны и революции на Ближнем Востоке, гибель древнейших памятников в Ираке и их дальнейшее разграбление – нет. Не волнует и свой позитив – огромные победы наших спортсменов на универсиаде прошли как-то мимо сознания в тени пресловутых родов в Англии. А там уже отдельно внимательные могут заметить и осознать чудовищную несуразность в пропорциях и соотношении подачи материалов, явно несопоставимых ни в каком отношении по своей значимости. Все это происходит в подчеркнуто негативном новостном контексте. А ведь еще до революции русский социолог, публицист и критик Н.К. Михайловский приводил поразительное требование французских психиатров еще в XVIII веке, обративших внимание на заразительность шумных преступлений, «обуздать ту часть ежедневной прессы, которая бесстыдно эксплуатирует подобные случаи и играет на зверских инстинктах...». (см. *Н.К. Михайловский «Герои и толпа»* – см. Антология западноевропейской и русской психологии конца XIX – начала XX веков. Ч. 2. Русская социальная психология. Науч.-информ. сб. «Культура в современном мире». – Вып. 6. – М.: изд. РГБ, 2003. – 156с.). Одна из отечественных круглосуточных, шумных и претенциозных радиостанций прямо так и объявляет раз в 15 минут: «С нами плохие новости становятся лучше». То есть сразу декларируется обязательность плохих новостей в нашей жизни, а потом... нам облегчат (с обязательным ударением на Е) жизнь! На самом деле это и есть еще одна из содержательных подмен СМИ нашего времени, на основании которой и возникает зависимость современного человека именно от такого субстрата новостей и именно в такой иерархии. Поэтому все разговоры маститых мэтров телевидения о свободе включить или выключить кнопку пульта еще одно большое лукавство, поскольку речь идет о незаметной, мягкой и одновременно тотальной зависимости современного человека от ТВ.

5. Праздник, игра и массовая культура

Массовая культура очевидным образом эксплуатирует архаические мифологические структуры сознания, реализуемые, прежде всего, в праздничной культуре – обычно ритуального обрядового характера (смысла), сопровождаемой, в том числе смехо-игровыми формами культуры. Однако если в культурах прошлого они носили ритуальный обрядовый,

как правило, праздничный характер, то в современной МК, утратив сакральное содержание, они приобретают чисто развлекательный характер, сохранив только внешнюю форму. Тем временем игры и шутовство переходят из области праздника в контекст обыденной, обиходной жизни. Известно, что праздник не бывает каждый день и соответствующее ему настроение тоже. Но у ТВ другие задачи: «чем бы дитя не тешилось...». Поэтому меняется механизм проведения праздника и его соотнесения с действительностью, выхолащивается сама его суть. А поскольку обыденный праздник – нонсенс, то на глазах у публики он безнадежно выцветает, что мы и наблюдаем, в частности, на ТВ. С другой стороны, она привыкла к празднику – скучно, но привыкла в определенное время на определенном канале смотреть праздник, «развлечение» – хоть и сводит скулы, но обязательно нажмет на нужную кнопку в назначенный срок. Как тут не вспомнить механизм условного рефлекса гениального Павлова – все как у его собачки. На ТВ и виртуалитете в целом это все более походит на зависимость. Смешиваются не только праздники и будни, но и цели и смыслы. Главное, чтобы было шоу, праздник каждый день. За счет этого со смыслами у нашего времени возникает определенная неразбериха, которая таковой даже и не осознается: они, будучи перемешаны и лишены какой-либо иерархии, а зачастую и ценностной наполненности, могут быть «воткнуты» в любой контекст. Налицо смысловой релятивизм нашей жизни (намеренно или нет – это другой вопрос), насаждаемый во всех сферах социума через современную массовую культуру. А раз смыслы взаимозаменяемы в зависимости от насущных задач, контекста и других факторов, то срабатывает тот самый механизм подмены – подмены смыслов.

И вот тут на авансцену выходит его величество Юмор, составляющий неотъемлемую часть качества жизни, ерничающий, издевающийся над ней, кормящий потребителя ТВ низкопробными своими артефактами, забивающими сознание и не оставляющими в нем места для хотя бы мало-мальской рефлексии.

Нынче модно ругать низкое качество телепрограмм, однако никого не удивляет огромное их количество. ТВ-время, а стало быть и время телезрителя забито ими. К этой доморощенной части развлекательной миссии ТВ примыкает огромное количество сериалов и игр, скалькированных и купленных на Западе, впечатывающих в сознание потребителя свой западный алгоритм понимания жизни.

Особый для культуролога интерес представляет такой феномен современного ТВ, как шоу, в которых песни поют непевцы, танцы танцуют нетанцоры, на льду катаются неконькобежцы, в цирке выступают нециркачи, иными словами, парад дилетантов,

подучившихся чужому ремеслу. Здесь на первом месте его величество – дилетант. Оценка его творчеству в таких шоу: справился на своем дилетантском уровне – не справился, упал – не упал, пустил петуха – нет.

6. Дело. Профессия

Но на искусстве феномен дилетантизма не «остановился» и все совсем не так просто и безобидно, как кажется. На самом деле он проник во все сферы, поры и щели жизни современного социума. Переходя на философский уровень рефлексии, мы можем различить в сознании человека профессиональный и дилетантский его (сознания) векторы, направленные соответственно на деятельность (труд) и досуг (отдых). По канонам народной мудрости – испокон века: «делу время – потехе час». Возвращаясь к участникам шоу, мы должны констатировать, что они сознательно, правда, на время, отказались от профессионализма, добровольно став дилетантами, занявшись не своим делом. Но это игра, досуг. Гораздо хуже, когда этим же, но на «профессиональной основе» занято множество людей, как правило, чиновников во всех сферах деятельности в обществе. Все начиналось с челноков, среди которых были физики и гуманитарии с учеными степенями, выкинутые из науки и образования за ненужностью и той и другого.

В наши времена это особо выученные люди – чиновники – наследники советских секретарей (от самого высокого Политбюро до секретарей обкомов на местах), которые могут быть «поставлены» на самые разные отрасли общественной жизни и производства, не будучи специалистами ни в одной из них. Называются они – «успешный менеджер». Как правило, они успешно разваливают вверенный им участок и переходят на другой, еще одной неважно какой специализации. Таким образом, и в трудовой профессиональной сфере в социуме воцаряется его величество Дилетантизм, успешно вымещающий из жизни общества профессионализм. Как мы уже неоднократно отмечали – происходит это, прежде всего, в сознании. И если раньше дилетантская ориентация сознания была чисто потребительской и обслуживала потребительскую или досуговую сторону бытия человека, то сейчас, заступив на место профессиональной, она захватывает функцию последней – инструментальную. Иными словами, она становится – назовем ее «профессионально дилетантской». Эта еще одна подмена грозит обществу невиданными катаклизмами – ведь не нами и давно сказано: «...беда коль сапоги начнет тачать пирожник...» Когда же процесс приобретает глобальный характер, то правомерно говорить об опасности утраты самого профессионализма, что

обещает стать решающей составляющей начала конца. Возвращаясь к толпе в ее первозданности, мы не можем не видеть, что она охотно идет рука об руку с дилетантизмом, ничегонеделанием и «зевачеством», порождающими ту самую неоправданную агрессию или же панику – это ее чувства! То, что она сидит по домам – непринципиально. Вспомним флэш-моб! Природа у нее все та же – психология толпы, только неограниченно усиленная мощью СМИ и виртуалитета. То же касается и ее агрессивности – еще в глубинах XIX века описаны механизмы ее возникновения в толпе. Бехтерев в своей гениальной «Коллективной рефлексологии» объяснил механизмы действия открытых им законов действия коллективных рефлексов заражения, подражания в толпе. Можно возразить, что непосредственно сливной толпы нынче и нет. Зато в современных ее модификациях жестко срабатывает все тот же механизм коллективного заражения и подражания, многократно усиленный СМИ. К ряду философски-методологических вопросов проблемы взаимодействия культуры, информационных технологий и человека толпы следует отнести и важнейшую проблему соотношения всех этих компонентов с языком как высшей формой выражения культуры, являющимся в итоге основным коммуникатором, связывающим их.

Так было всегда, но в новой информационной реальности язык становится с помощью этих технологий в прямом смысле властителем дум, имеющим практически неограниченные возможности распространения, будучи необыкновенно гибким инструментом и улавливающим (здесь это слово применяется в двух значениях, одинаково правомерных в нашем контексте, а именно: улавливает – ловит контекст культуры, времени и улавливает – выделяет самое актуальное, насущное в социуме) и формирующим общественное сознание в целом. Собственно слово является связующим и цементирующим основанием не только современного социума, но и единства всех его новейших достижений в сфере информационных технологий совместно с самим человеком, который может исковеркать не только само слово, но и способ и место и время его употребления, а главное – его смысл. Что и происходит в современной культуре, бесконечно, и, на первый взгляд, свободно играющей словами, смыслами и понятиями. Игра эта является основным приоритетом постмодернизма, философский, художественный и мировоззренческий крах которого в наши дни вполне очевиден – смысл ведь не терпит суеты, тем более игр, манипуляций и ёрничества. И не будем забывать, что заканчиваются игры со смыслом всегда одинаково – его теряют и это уже по-настоящему. Найдут ли? (Окончание следует.)

Сведения об использованных иллюстрациях:

Иллюстрация содержания. Иероним Босх Несение креста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.liveinternet.ru/community/1726655/post82305045/> (дата обращения: 13.04.2013).

Ил. 1-2. Праздничные демонстрации в СССР (1982 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://ussrlife.blogspot.ru/2012/11/7.html> (дата обращения: 13.04.2013).

Ил. 3. Е. Тадевосян «Гений и толпа» (1919 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.people.su/106174> (дата обращения: 13.04.2013).

Источник: *Культура в современном мире. — 2013. — № 3. — [Электронный ресурс]. —*
Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>